

Т Е О Р И Я Я З Ы К А

Е.С. Кубрякова
О КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ И СЕМАНТИКЕ ТЕРМИНА
«КОГНИТИВНЫЙ»

Как всякая новая парадигма научного знания, когнитивная парадигма в лингвистике пробивает себе дорогу не без сопротивления, и если в специальной литературе выступления против нее редко носят открытый характер, то критические нападки на нее на разного рода встречах, круглых столах и конференциях встречаются гораздо чаще. В целом такое положение дел вполне понятно: всегда проходит какое-то время, прежде чем новая парадигма знания утвердится и найдет своих сторонников. Тем удивительнее, что уже и сейчас в области когнитивной лингвистики работает так много ученых, и уже сейчас можно было бы назвать немало интересных работ, свидетельствующих о том, что у нас складывается своя собственная школа когнитологов.

Поскольку к настоящему времени когнитивная лингвистика представлена в мире несколькими мощными направлениями, каждое из которых отличается своими установками, своей областью анализа и особыми процедурами анализа, а поток зарубежных исследований, выполненных в когнитивном ключе, по-прежнему не иссякает, наличие термина “когнитивный” в составе многочисленных с ним словосочетаний еще не означает по сути дела, что соответствующая работа выполнена в рамках когнитивной парадигмы и, тем более, того, что сам этот термин понимается тождественным образом.

Подобное положение дел осложняется, несомненно, и тем, что сама когнитивная наука, под эгидой которой возникла когнитивная лингвистика, все больше дробится не только на разные школы, но и на разные когнитивные науки – когнитивную психологию, нейронауки, антропологию и т.п. Разными учеными даются разные определения понятию “когнитивный” и здесь, а в появившихся “Введениях” в разные когнитивные науки его объяснения связываются, конечно, и с тем, в какой конкретной науке он исполь-

зуется, и какой конкретно группой ученых он характеризуется.

При быстром развитии всех современных наук и даже всех парадигм научного знания тридцать–тридцать пять лет их существования в XX веке – срок немалый и даже за этот короткий период фактические изменения в том и в другом достаточно существенны. Менялись частично и исходные допущения когнитивной науки, и сферы ее интересов, и конкретные ставящиеся в ней задачи, а все это вместе взятое не могло не отразиться и на облике когнитивной лингвистики.

Взяв, например, знаменитую книгу А. Пейвио (середина 80-х гг.) о двойном кодировании знаний в голове человека (образном и вербальном), мы могли бы удостовериться в том, что сам вопрос о том, как представлено знание в ментальном лексиконе, – это по-прежнему важнейшая проблема всей когнитивной науки. И все же вряд ли мы могли бы согласиться с тем, что проблема ментальных репрезентаций – это и сегодня центральная проблема всей когнитивной науки (см. Paivio 1986: 3-4). Но меняются цели когнитивной науки, меняется частично и содержание характеризующего ее термина.

Приведем еще один пример. Стремясь отразить, как происходит развитие ребенка, психологи до 60-х гг. ориентировались, прежде всего, на изучение мышления и выделение в становлении ребенка разных этапов осуществляемой им предметно-познавательной деятельности. С появлением когнитивной психологии и распространением взглядов на человека как обладающего особой когнитивной системой, служащей обработке и переработке информации, ее хранению и т.п., ракурс рассмотрения того,

как протекает умственное развитие ребенка, тоже изменился. И здесь первоначально акцент делался на том, как формируются у ребенка ментальные репрезентации мира и в каком виде они существуют в его сознании; но постепенно под когнитивным развитием ребенка (*cognitive development*) начинает пониматься более широкий круг явлений, связанных с овладением ребенком средствами и способами обращения с информацией, со становлением самой когнитивной системы со всеми такими ее составляющими, как восприятие, воображение, умение рассуждать и решать проблемы и т.п. Центральным становится вопрос о роли языка во всех этих процессах, о его врожденности или же приобретаемости во время научения. В то же время отмечается, что сам термин “когнитивная система”, как, впрочем, и термин “информация” (т.е. термины, ключевые для описания всего процесса развития ребенка!), используются без точного определения того, что ими обозначается! (ср. McShane 1991: 9). У многих специалистов складывается впечатление, что термин “когнитивный” выступает как размытый и что по этой причине он зачастую “пуст” (ср. Фрумкина 1996: 55). Встречаются и еще более неожиданные утверждения. Рассуждая о вкладе когнитивной лингвистики в современное языковедение, В.Б.Касевич подводит итоги своего анализа, заключая, что разработанные здесь подходы и результаты, хотя и обогащают языковедение, “никак не создают ни нового объекта (точнее, предмета) исследования, ни даже нового метода” и что поэтому “правомерно полагать, что когнитивной лингвистики не существует (подчеркнуто В.Б.К.) – уже потому, что не существует некогнитивной (психо)лингвистики” (Касевич 1998: 20). Мне бы хотелось настоящей работой подчеркнуть ОБРАТНОЕ: когнитивная лингвистика, конечно, существует (как существует и некогнитивная – например, структурная), а в ее рамках складывается и особое понимание интересующего нас термина, который и превращаясь в многозначный, не становится, тем ~~менее~~, “пустым”. Хотелось бы обратить внимание и на иные оценки самой когнитивной лингвистики у нас и за рубежом. Так, характеризуя теорию и метод в лингвистике конца XX ве-

ка как свидетельства “мятежа” и “переворотов”, П.Б. Паршин в качестве одного из них (как наиболее показательного) приводит в пример именно когнитивную лингвистику. В ней, – подчеркивает автор, – и это “может считаться основой ее определения – в качестве модельных конструкторов выступают когнитивные структуры и процессы, будь то когнитивные структуры типа фреймов (М. Минский), к нуждам лингвистики это понятие было адаптировано Ч.Филлмором), идеализированной когнитивной модели (Дж. Лакофф) или ментальных пространств (Ж. Фоконье); 2½ мерного наброска (Р. Джакендофф); семантико-грамматических суперкатегорий наподобие конфигурационной структуры, динамики сил, распределения влияния, “цепции” и т.д. (Л. Талми); комплексных многоаспектных конструкций (в специальном значении этого термина, предложенном Ч.Филлмором и П. Кейем); когнитивных операций типа правил концептуального вывода (Шенк 1980) или же особого уровня изучения интеллектуальных систем – постулированного А. Ньюэллом отличного от символического ‘уровня знаний’ (Newell 1982)” (см. Паршин 1996: 30-31). Я нарочно привела эту развернутую формулировку, чтобы показать, что когнитивная лингвистика не только реально СУЩЕСТВУЕТ, но и характеризуется исключительно широким кругом изучаемых проблем, притом – при всем их разнообразии – рассматриваемых в рамках единого подхода и единых теоретических установок.

Приведу еще один фрагмент общей оценки когнитивной лингвистики¹. "Если посмотреть на когнитивную лингвистику не со стороны того, что стимулировало ее появление (изучение мышления и познавательной деятельности, когнитивии), а с точки зрения ее предметного места в системе языковых уровней языка, то обнаружится, что она в целом занимается исследованием содержательных параметров языка. Это области когнитивной семантики, пространственной семантики, фреймовой семантики. Это

изучение категорий и категоризации, концептов и концептуализации, метафоры и метафоризации, референции, информационных аспектов речевой деятельности (выдвижение, активация, фигура-фон), ментального языка и др.” (Правикова 1999: 37-38). Еще важнее, что в этой же работе автор правильно указывает на то, что “в отечественном языкознании когнитивная лингвистика имеет отчетливую линию своего развития. Если в зарубежной лингвистике когнитивное направление возникло в связи с изучением различных типов обыденных семантик, то в нашей стране когнитивные идеи были высказаны, на наш взгляд, в связи с исследованиями в области номинации.... В этой теории рассматривалась взаимосвязь языковой формы и языкового содержания на семасиологическом и ономасиологическом уровнях” (Правикова 1999: 39-40).

В 1999 г. в серии исследований по когнитивной лингвистике (*Cognitive Linguistics Research*) выходит специальный том, посвященный основаниям когнитивной лингвистики, диапазону ее проблем и методологии (см. *Cognitive Linguistics: Foundations, Scope and Methodology* 1999), в отдельных публикациях которого крупнейшие современные когнитологи подводят итоги ее разработкам, а также намечают пути развития когнитивной лингвистики. Статья Р. Ленекера так и называется: “Оценивая значимость когнитивного направления” (см. Langacker 1999), и в ней и круг проблем, характерных для этого направления (с.17), и неправомерность и несправедливость его критики по целому ряду обстоятельств (с.20); перечисляются главные методологические принципы когнитивизма (с. 23 и сл.). Но главное, что здесь защищается, – это положение о том, что именно когнитивно-функциональные соображения о любых изучаемых явлениях языка дают гораздо больше, по сравнению с формальным описанием тех же явлений.

По сути дела, о том же пишет и В. Крофт (Croft 1999), подчеркивая исключительную ценность когнитивных данных в типологических исследованиях языка. Но особенно высокую оценку когнитивизму дает Ж. Фоконье: “поразительную успешность” его он связывает с тем, что “по всей вероятности (здесь) впервые начали связывать под-

линную науку о конструировании значения и его динамику”, и что хотя в когнитивной лингвистике разделяется старый как мир взгляд на язык как на орудие (формирования и передачи) значения, все ее методы и результаты совершенно новы (Fauconnier 1999: 96-98).

Нельзя упомянуть, наконец, и о последней монографии Дж. Лакоффа и М. Джонсона (Lakoff, Johnson 1999), где подчеркивается, что когнитивная наука и когнитивная лингвистика бросают вызов всей западной философии и ставят под сомнение многие ее постулаты, демонстрируя огромный прорыв в сфере познания человеческого разума и главных механизмов его ментальной деятельности.

Полагая вместе с другими когнитологами, что главное развитие когнитивной (или же когнитивно-функциональной, когнитивно-дискурсивной) парадигмы мы будем наблюдать в начале следующего века и что с этим развитием будет связано возрастающее влияние самой лингвистики на другие фундаментальные науки, мы считаем тем более важным разъяснить уже сейчас подлинный смысл этой науки, а, значит, и смысл того прилагательного, которое выделяет эту лингвистику из всего круга других “лингвистик”.

Примечательно, что и на последней встрече когнитологов в Стокгольме летом 1999 г. Б. Петерс подчеркивал необходимость решения этой задачи – разъяснения семантики термина “когнитивный”, – хотя ему и кажется, что в сочетании “когнитивная лингвистика” прилагательное имеет скорее идентифицирующее, нежели дескриптивное значение (Peeters 1999: 52).

Хотела бы отметить также, что в момент составления и написания “Краткого словаря когнитивных терминов” нам и в голову не приходила мысль о том, чтобы посвятить термину “когнитивный” отдельную статью: предполагалось “по умолчанию” (by default), что смысл его вполне ясен благодаря трактовке тех терминов, в составе которых он принимает на себя главную функцио-

нальную нагрузку. В настоящее время, однако, ситуация действительно изменилась (ср., например, появление рядом с ним термина “концептуальный” в значениях, близких “когнитивному”, но в то же время далеко ему не тождественных). Иными словами, наступило, по всей видимости, время, когда рассматриваемый нами термин должен получить отдельное объяснение.

В этой статье я не излагаю ИСТОРИЮ термина, – я лишь стремлюсь продемонстрировать некоторый диапазон его современного употребления, а также исключить как “неправильные” те случаи использования, которые мне представляются недостаточно оправданными и которые никак не могут считаться общепризнанными. Это, во-первых, отождествление его с термином “обыденный”², – при возможном подчеркивании внутри ряда концептов, из которых складывается представление о том, что есть КОГНИЦИЯ, концепта обыденного познания (см. также ниже). Это, во-вторых, отождествление его и разъяснение его через приравнивание прилагательного “когнитивный” прилагательному “нейрологический”, т.е. полученный в ходе применения нейрологических наблюдений и экспериментов (так, например, в Peeters 1999). Это, наконец, в-третьих, такое употребление термина, при котором он лишается реального содержания и выражает одно только желание использовавшего его автора следовать моде или соответствовать по тематике наиболее престижным направлениям своего времени (такое употребление, безусловно, бессодержательно и делает сам термин действительно “пустым”.

Вообще говоря, слово “когнитивный” в значении “познавательный” или “соответствующий познанию” встречалось уже давно в философской литературе (см. ФЭС 1983: 263), и в ней не заменялось такой калькой, как “познавательный”, т.е. правильно считали, что указанные понятия разошлись. Поскольку этот термин существовал в психологии еще до появления когнитивной психологии, в русском языке его нередко переводили, считая, что его значение – типичное значение относительного прилагательного (т.е. ‘относящийся к познанию’) и, конечно, в этом значении, как и в значении ‘относящи-

йся к процессам познания’, он часто используется и сейчас. Но с созданием когнитивной психологии, которую определяли как “изучение ментальных процессов” (ср. Ellis, Hunt 1993: 2 и сл.) и с исследованием многих новых аспектов этих процессов, происходящих в голове человека, да и в связи с новыми подходами к рассмотрению самих процессов (восприятия, внимания, запоминания, мышления и т.д.) как характеризующих МЕНТАЛЬНУЮ деятельность человека, термин “когнитивный” значительно обогащается³. “Когнитивная теория, – подчеркивает Рэй Джакендофф в своей знаменитой книге, выдержавшей чуть ли ни семь изданий – ...это исследование ментальной информации”, т.е. информации, хранящейся в ментальном лексиконе ВНУТРИ мозга и составляющей базу человеческого сознания (ср. Jackendoff 1993: 35; первое издание книги – 1983 г.).

Поскольку и в когнитивной науке как таковой в фокусе влияния оказываются МЕНТАЛЬНЫЕ СУЩНОСТИ, термин “когнитивный” начинает использоваться как синоним терминам и “ментальный”, и “внутренний”, “интериоризированный”, и “умственный”, “мыслительный”, и в известном смысле такое употребление не может считаться “неправильным” (ср. все эти термины в сочетании со словами *состояние, операция* и пр.). А поскольку естественно рассмотрение всех когнитивных процессов как ПСИХИЧЕСКИХ (а отсюда – тоже как интериоризованных в его сознании), нередко отождествление всех перечисленных нами терминов, т.е. их понимание как обладающих признаками “семейного сходства”. Но как только в конкретном эксперименте или же исследовании термины эти надо развести, это происходит без всякого труда, – понятно, какую именно сторону явления МОЖЕТ охарактеризовать и выделить каждый из них. Во всяком случае, “когнитивный” осмысливается в его прототипических значениях.

Образующим второй круг значений может быть признано значение, связы-

вающее термин-прилагательное с мотивировавшим его источником, т.е. существительным “когниция”, по поводу которого тоже следует высказать несколько соображений. Кажется не случайным, что при наличии в русском языке слова “познание” наряду с ним было введено и транслитерирующее англ. cognition “когниция”, ибо указанные слова, казалось бы, фактические синонимы, на самом деле обозначают разные сущности. Ключевое для всей когнитивной науки понятие когниции относится, прежде всего, к познанию ОБЫДЕННОМУ, КАЖДОДНЕВНОМУ, так сказать, непосредственному, важному для взаимодействия человека с миром его обычной жизни.

Когниция, – пишет Ст. Рид, – обычно определяется как получение или приобретение знаний, но это и их использование, и овладение множеством разных практических навыков и умений; как указал У. Нейсеер, она связана со всеми процессами, посредством которых сенсорные данные на входе трансформируются, свертываются и развертываются, уточняются и развиваются, хранятся и используются (ср. Reed 1996: 4). Когниция – это манипуляции со знаниями, работа с информацией.

Когнитивная наука и все когнитивное направление (cognitive movement), – отмечает А. Андерсон, – стремится к созданию когнитивной теории повседневной жизни (Anderson 1996).

В одном из последних введений в когнитивную науку также подчеркивается, что, изучая человеческий разум и происходящие в нем процессы, ученые должны прежде всего преследовать цель понять основы того, как люди ДУМАЮТ, и в этом смысле изучать когницию, осуществляемую ЧЕЛОВЕКОМ (Thagard 1996: 17). Главной составляющей когниции является язык, а проблемам соотношения когниции и языка посвящены сегодня буквально десятки работ (см., например, M. Schwarz 1995: 359 и сл., где акцент тоже делается на познании мира человеком; ср. также подчеркивание значимости актуального протекания познавательной активности человека в когнитивной психологии у Б.М. Величковского – Величковский 1983, и др.). Можно было бы привести и другие определения когниции, но и сказанного,

думается, достаточно, чтобы отметить, с одной стороны, что когнитологи всегда имеют в виду противопоставление НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ мира и постоянно протекающей ЕСТЕСТВЕННОЙ когниции как направленной на простое взаимодействие с миром в сфере нашего каждодневного и повседневного опыта. Все исследования по категоризации и концептуализации действительности в когнитивной науке относятся, в первую очередь, именно к обычному опыту и обычному поведению человека. Да и язык отражает результаты когниции как процесса, ориентированного на решение практических задач по приспособлению человека к окружающей среде, по его выживанию, по классификации данных непосредственного восприятия, по членению потока информации и т.д. и т.п.

Характеризуя эти аспекты когниции, иногда говорят о противопоставлении научного и обыденного познания (Лазарев 1999), отмечая, что первое ориентировано на получение ИСТИНЫ, а второе – на чисто прагматические цели. Можно было бы говорить и о том, что в этих случаях противопоставляется достижение знания versus деятельность с информацией и ее простейшей переработкой, но сам смысл оппозиции достаточно ясен: когниция характеризует жизнь любого человека вне его собственно научных интересов и решения специально ставящихся в процессе научной деятельности задач. “Когнитивность” часто поэтому значит ‘естественно постигаемый’, ‘познаваемый в ходе обычного опыта’, и т.д. Структуры знания, фиксируемые в языке, – это прежде всего “естественные” структуры, структуры опыта, осмысления и оценок мира, разделяемые всеми членами данного языкового сообщества и потому входящие в область так называемого “разделенного знания” (shared knowledge).

Следовало бы, наверное, особо остановиться и на том, как связаны между собой в когнитивной науке и когнитивной лингвистике понятия когниции, знания и информации (ведь это существенно, например, для понимания того, как интерпретируется в

интерпретируется в указанных науках понятие значения), но это увело бы нас несколько от основной темы статьи, в завершении которой мы рассмотрим вопрос еще об одном, последнем, круге значений термина “когнитивный”. Эти частые значения связаны с таким употреблением термина, при котором он вводит своим появлением связанные с ним СОЧЕТАНИЯ, такие как *когнитивная наука*, *когнитивный подход*, *когнитивное направление*. В конструкциях типа *cognitive scientists* или же рус. *когнитивный анализ*, *когнитивные исследования* и пр. речь идет именно о том, что такие исследования выполнены в рамках когнитивной НАУКИ или же в когнитивном ключе. Это очень распространенный способ семантической компрессии: подобно тому, как на базе термина “генеративная грамматика” рождаются сочетания типа *генеративный подход/исследования* и т.п. и название специалиста по генеративной грамматике в виде *генеративиста* (сам он не “порождает” ничего, кроме научных соображений о грамматике особого вида), многие обороты с термином “когнитивный” следует считать передающими (компрессивно) значения ‘выполненные в духе (указанной) когнитивной дисциплины’ и даже ‘реализующие исходные допущения (установки, принципы и т.д.) когнитивной науки или когнитивной лингвистики’. В этих значениях – со скрытой семантикой указания на науку, подход, направление – термин используется не менее часто, чем в своем исходном прототипическом значении ‘относящийся к когниции, связанный с когницией, с процессами и результатами познания’. И, конечно, во всех перечисленных мною значениях он не пуст.

Рассмотрение семантики термина ‘когнитивный’ позволяет нам не только дополнить сведения о терминологии когнитивной парадигмы знания, но и внести большую ясность в понимание того, что представляет собой когнитивная лингвистика. Во-первых, эта наука – одна из главных наук всего когнитивного цикла, – всех наук, развивающихся под эгидой когнитивной науки как таковой. Во-вторых, сегодня когнитивная наука представлена целым рядом достаточно различающихся между собой школ. Вместе с тем их, несомненно, объединяет стремление дать языковым фактам и языковым катего-

риям психологическое объяснение и так или иначе соотнести языковые формы с их ментальными репрезентациями и с тем опытом, которые они в качестве структур знания отражают. В-третьих, когнитивная наука занимается в основном сверхглубинной семантикой и интересуют ее в первую очередь содержательные аспекты языковых форм (ср. названные выше работы П.Б. Паршина, Л.В. Правиковой и др.). Нередко поэтому специфику когнитивной науки связывают с ее ориентацией на исследование конструирования значения, его динамики, сложности формирования значения в пределах разных конструкций и в дискурсе и т.д. (ср. *Cognitive Linguistics...* 1999). Включение в ее название термина “когнитивный”, таким образом, весьма значимо и позволяет провести должное разграничение лингвистики когнитивной и лингвистики функциональной, несмотря на некоторые точки пересечения между ними и, в частности, их оппозицию лингвистике формальной.

¹ Читатель, надеюсь, поймет правильно тот факт, что, обращаясь к оценкам когнитивной лингвистики, я не использую своих собственных работ или работ моих соавторов по составлению «Краткого словаря когнитивных терминов» (1996), а также, что я использую данные, по тем или иным причинам не включенные в этот словарь, в большей части те, которые стали мне известны ПОСЛЕ его публикации. – Е.К.

² Так, в очень полезной и во многом правильно расставляющей акценты в понимании разных теорий познания статье, В.В.Лазарев справедливо противопоставляет теории научного познания и теории познания обыденного, но не могу согласиться с ним, когда (даже в пределах одной работы) он предлагает рассматривать термин «когнитивный» как синоним термину «обыденный» (см. Лазарев 1999, сноска на стр.26).

³ Об изменениях значения термина «когнитивный» пишут и те, кто занимал-

ся историей психолингвистики, см., например,

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

(приводится по мере ее введения в текст статьи):

Paivio A. Mental Representations. A dual coding approach. Oxford (Mass.): Oxford University Press. 1986.

McShane J. Cognitive Development: An Information Processing Approach. Cambridge (Mass.): Blackwell. 1991.- 394 p.

Фрумкина Р.М. "Теории среднего уровня" в современной лингвистике // Вопросы языкознания. – 1996. - №2. - С. 55-67.

Касевич В.Б. О когнитивной лингвистике // Общее языкознание и теория грамматики. Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С.Д.Кацнельсона. – СПб: Наука, 1998. - С.14-21.

Паршин П.Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // Вопросы языкознания. – 1996. - №2. - С. 19-42.

Правикова Л.В. Когнитивная и когнитивная лингвистика // Вестник Пятигорского государственного университета. – Пятигорск. – 1999. - №2. - С. 37-44.

Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ, 1996. – 245 с.

Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology. Ed. by T.Janssen and G.Redeker. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter. - 1999 – 270 p.

Langacker R. Assessing the cognitive linguistic enterprise. In: Cognitive Linguistics... (см. №8), p.p. 13-60.

Croft W. Some contributions of typology to cognitive linguistics and vice versa. In: Cognitive Linguistics... (см. №8), p.p. 61-94.

Fauconnier J. Methods and generalizations. In: Cognitive Linguistics (см. №8), p.p. 95-128.

мер, (Ress 1991: 10 и сл.).

Lakoff G. and Johnson M. Philosophy in the Flesh. The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. N.Y.: Perseus Books – 1999. – 624 p.

Peeters B. Does cognitive linguistics live up its name?// Abstracts of the 6th International Cognitive Linguistics Conference. 10-16 July 1999. Stockholm, p.p. 52-53.

Лазарев В.В. К теории обыденного/когнитивного познания (от Коперника к Птолемею) // Вестник Пятигорского государственного университета. – Пятигорск.- 1999. - №2. - С. 25-34.

Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

Ellis H.C., Hunt R.R. Fundamentals of cognitive psychology. Madison (Wisc.): Brown. 1993. – 449 p.

Jackendoff R. Semantics and Cognition. 6th ed. Cambridge (Mass.): The MIT Press. 1993. – 283 p.

Ress J.J. On the developing history of psycholinguistics // Language Sciences. Vol. 13. - 1991. -№1. - p.p. 1-20.

Reed St.R. Cognition. Theory and Application. 4th ed. San Diego: Brooks. - 1996 – 479 p.

Anderson H.H.A. Functional Theory of Cognition. Mahwah (New Jersey): Erlbaum. 1996.

Thagard P. Mind. Introduction to Cognitive Science. Cambridge (Mass.): The MIT Press. 1996 – 217 p.

Schwarz M. Kognitivismus, cognitive Wissenschaft und Linguistik // Die Ordnung der Wörter. Kognitive und lexikalische Strukturen. Hrgs. von G.Harras. Berlin: Mouton de Gruyter. - 1995.- S.359-367.

Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. М.: МГУ. - 1983 – 336 с.

Л.И. Гришаева

О ПЕРЕХОДЕ ЯЗЫКА В РЕЧЬ: КОГНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

(об актуализации предложения как коммуникативной единицы)

Одним из самых важных и интересных вопросов в науке о языке можно, пожалуй, считать вопрос о том, каким образом сис-

темные единицы трансформируются в речевые, каким образом единицы лексикона